

№ 1282.

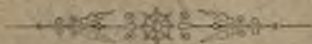
Н. П. ЛИХАЧЕВЪ

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

БУМАЖНЫХЪ ВОДЯНЫХЪ ЗНАКОВЪ

Рецензия

А. И. Соболевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

СУНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ

1901

24.200

<http://rcin.org.pl>

INSTYTUT
BADAŃ LITERACYJNYCH I
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 7
Tel. 26-68-63

Н. П. Лихачевъ. Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ. Три части и приложение: таблицы, поясняющія въ хронологическомъ порядкѣ измѣненія формата и строенія бумаги. Спб. 1899. Изданіе Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности, № СХVI.

Настоящій трудъ Н. П. Лихачева—отчасти какъ-бы новое, значительно дополненное изданіе его стараго труда: «Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ», Спб. 1891, отчасти продолженіе этого послѣдняго. Онъ состоитъ изъ трехъ частей, изъ которыхъ наиболѣе важны третья, альбомъ снимковъ съ бумажныхъ водяныхъ знаковъ (или филиграней), и первая половина первой, заключающая въ себѣ изслѣдованіе о палеографическомъ значеніи этихъ знаковъ.

Остановимся прежде всего на изслѣдованіи.

I.

Н. П. Лихачевъ начинаетъ съ разбора вопроса о происхожденіи русскаго слова *бумага*. Онъ склоненъ видѣть въ словѣ *бумага* результатъ вліянія на Россію запада, такъ какъ востокъ сходнаго по звукамъ слова для обозначенія писчаго матеріала не употребляетъ, хотя впрочемъ, по его мнѣнію, «настоящей родиной тряпичной бумаги является Туркестанъ» (стр. IX).

Мы затрудняемся съ нимъ согласиться.

Слово *бумага* совершенно неизвѣстно, ни въ какомъ значеніи, ни въ старыхъ, ни въ новыхъ славянскихъ языкахъ, кромѣ русскаго ¹⁾. Изъ древнѣйшихъ памятниковъ послѣдняго оно находится 1) въ переводѣ Хронографа Амартола, текстъ бывшемъ въ рукахъ нашего перваго

¹⁾ Срв. Miklosich, Die türkischen Elemente in den südost-und osteuropäischen Sprachen, II, стр. 37.

лѣтописца и заключающемъ въ себѣ цѣлый рядъ типичныхъ русскихъ словъ («въ *бумажниитъ* одѣнѣ») и 2) въ повѣсти объ Акирѣ Премудромъ, по списку XV вѣка, текстъ не менѣе древнемъ и не менѣе богатомъ типичными русскими словами («аще будетъ свиная шерсть мягче *бумаги*», л. 103). Значеніе слова *бумага* въ обоихъ названныхъ памятникахъ одно и то же: хлопокъ, вата. Болѣе поздніе русскіе тексты и современный русскій языкъ знаютъ это слово въ двухъ значеніяхъ, одинаково распространенныхъ: 1) хлопокъ, вата и 2) писчій матеріалъ. Съ первымъ значеніемъ находится въ самой тѣсной связи значеніе слова *бумазекъ*: сукно изъ хлопка¹⁾. Мы не знакомы съ восточными языками и можемъ указать лишь на то, что въ нихъ имѣются слѣдующія сходныя по звукамъ слова: въ турецкомъ—*rambuk*, *ramük*, въ персидскомъ—*rambah*, въ армянскомъ—*rambak*, всѣ съ значеніемъ: хлопокъ. Сверхъ того, нельзя не обратить вниманіе на то, что созвучное позднее греческое слово *βόμβαξ*, *βόμβοξ*, *βάρβαξ* (Дюканакъ) значитъ исключительно: хлопокъ. Такъ какъ хлопокъ—продуктъ Средней Азіи, не воздѣлывавшійся ни въ старой Греціи, ни въ западной Европѣ, то необходимо его названіе въ русскомъ и въ позднемъ греческомъ (а затѣмъ въ западно-европейскихъ языкахъ) считать восточнымъ по происхожденію. Фонетическія отношенія русскаго *бумага* (гдѣ носоваго гласнаго мы не имѣемъ основанія предполагать) и греческаго *βόμβαξ*, средневѣковаго латинскаго *bombux* и т. д. таковы, что установить между ними непосредственную связь не представляется возможнымъ. Итакъ, русское слово *бумага* въ древнѣйшемъ его значеніи: хлопокъ, необходимо считать восточнымъ по происхожденію.

Н. П. Лихачевъ касается вопроса о томъ, существовалъ ли когда-нибудь писчій матеріалъ изъ хлопка, и руководясь данными Брикк, Визнера и Карабачка, отвѣчаетъ на него отрицательно. Но эти изслѣдователи разсматривали лишь древнѣйшія арабскія, греческія и западно-европейскія бумажныя рукописи; рукописей центральной Азіи, съ Непаломъ и Кашмиромъ включительно (уйгурскихъ, монгольскихъ, тибетскихъ, кашгарскихъ, сѣверно-индійскихъ и т. д.), относящихся, можетъ быть, къ сравнительно позднему времени, они не касались, и ихъ труды не даютъ права утверждать, что писчій матеріалъ изъ хлопка никогда не существовалъ.

Если мы допустимъ, что писчій матеріалъ изъ хлопка нѣкогда существовалъ на востокѣ, мы объяснимъ себѣ кое-что съ перваго взгляда непонятное.

---

¹⁾ Звукъ *з* въ этомъ словѣ не объяснимъ на почвѣ русскаго языка. Вѣроятно, слово *бумазекъ* заимствовано съ востока независимо отъ слова *бумага*.

Прежде всего второе, позднѣйшее по памятникамъ значеніе русскаго *бумага*: писчий матеріаль ¹⁾. Очевидно, русскіе познакомились сначала съ тѣмъ писчимъ матеріаломъ, который былъ изъ хлопка и привозился въ Россію съ востока; отсюда употребленіе одного названія для двухъ предметовъ, ни по виду, ни по употребленію не похожихъ другъ на друга. Очевидно, знакомство съ тряпичною бумагою, греческаго или западнаго происхожденія, явилось у русскихъ уже потомъ, и на этотъ матеріаль было перенесено названіе бывшаго въ ходу однороднаго по употребленію восточнаго матеріала ²⁾. Затѣмъ, употребленіе восточнаго слова *дестъ* (=персидское *dāst* рука) для обозначенія и извѣстной величины тетради бумажныхъ листовъ, и наибольшаго формата книги, необъяснимое безъ допущенія знакомства Россіи съ восточною бумагою ³⁾.

II.

Отъ вопроса о словѣ *бумага* Н. П. Лихачевъ переходитъ къ вопросу о происхожденіи бумажныхъ водяныхъ знаковъ. Онъ опредѣляетъ водяной знакъ какъ марку мастера, которая должна отличать лучшій товаръ и охранять его отъ контрафакціи, какъ этикетъ фирмы, оберегающій ея интересы (стр. XXXVIII), какъ «удобную мѣтку товара» (стр. XLI); вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждаетъ, что водяной знакъ—знакъ каждой отдѣльной бумажной формы («сколько формъ, столько и филиграней», стр. XLIX); формы были непрочны, мѣнялись черезъ годъ-два, отчего получалось постоянное видоизмѣненіе знаковъ, «безостановочная варьяція филиграней» (стр. XLIX).

Съ перваго взгляда между опредѣленіями автора есть противорѣчіе; но въ дѣйствительности дѣло лишь въ неточности—въ употребленіи слова филигрань иногда тамъ, гдѣ нужно бы было сказать: вариантъ филиграни. Данныя автора подтверждаютъ, что водяной знакъ дѣйствительно—марка фабриканта или—иногда—сорта бумаги и фабриканта. Это прежде всего—

¹⁾ Юго-западная Русь въ XVI—XVII вѣкахъ употребляетъ для обозначенія писчаго матеріала не слово *бумага*, а слово *поперъ* или близкія къ нему (напримѣръ, въ припискѣ въ Синодальной рукописи № 558, XVI вѣка, л. 62).

²⁾ Для западной Европы также необходимо допустить знакомство съ писчимъ матеріаломъ изъ хлопка; иначе мы не поймемъ ни упоминанія о *pergamena graeca, quae fit ex lana ligni* (Wattenbach, *Die Schriftwesen im Mittelalter* ³, стр. 141; срв. нѣмецкое названіе хлопка *baumwolle*), ни появленія и настойчиваго употребленія въ средніе вѣка названій для писчаго матеріала *charta bombacina, charta gossypina, charta cottunea*.

³⁾ Слово *дестъ* для обозначенія формата употреблялось въ Галиціи еще въ началѣ XVII вѣка (*Голубевъ*, Петръ Могила, I, приложение, стр. 168—169),

разсѣянные у него указанія на обиліе почти тождественныхъ вариантовъ одного и того же знака; затѣмъ—упоминаніе о существованіи имитаций и контрафакцій.

Что надо считать за отдѣльный водяной знакъ? Авторъ не ставитъ этого важнаго вопроса, но не разъ его касается. Онъ упоминаетъ о значеніи *тождества* знаковъ (стр. LIX—LX), о важности собиранія всякихъ, хотя бы и незначительныхъ *«вариантовъ разновидности»* (стр. LII). Наконецъ онъ говоритъ слѣдующее. «Прежде всего надо установить значеніе типа, разновидности и варианта. Если мы условно назовемъ *типомъ* совокупность филиграней одного наименованія, изображающихъ какой-нибудь предметъ,.... то каждый типъ раздѣлится на рядъ *разновидностей*, большею частію указывающихъ на разные періоды времени, иногда сосуществующихъ. Такъ какъ филигрань есть знакъ формы, а формъ у одного мастера можетъ быть нѣсколько, и смѣнять ихъ онъ былъ долженъ, по хрупкости этого прибора, не разъ втеченіи одного даже десятилѣтія, то совершенно понятно, почему *почти невозможно встрѣтить въ двухъ рукописяхъ знаки, которые точъ въ точъ совпадали бы другъ съ другомъ*, и почему съ другой стороны въ одной и той же рукописи можно констатировать два-три варианта одного и того же знака. Эти варианты суть продукты одной мельницы, но разныхъ формъ. Каждая разновидность втеченіи своего очень недолгаго иногда существованія констатируется въ большомъ количествѣ *вариантовъ*.... И вотъ, при опредѣленіи времени написанія не датированныхъ рукописей, основнымъ правиломъ должно быть сравненіе показаній *вариантовъ*..... Если мы соберемъ по возможно большому числу датированныхъ памятниковъ возможно большее число снимковъ съ вариантовъ, то простой сводъ датъ отмѣтитъ намъ время варианта, извлеченнаго изъ памятника не датированнаго.....» (стр. CXXXIV).

Такова теорія автора, съ которою нельзя не согласиться. А вотъ нѣсколько данныхъ, какъ онъ смотритъ на водяной знакъ на практикѣ. На стр. XC онъ говоритъ о знакѣ буква *R* съ крестомъ и ссылается на снимки своего атласа, между прочимъ, на №№ 141 и 353, 356 Два послѣднихъ вдвое меньше перваго. На стр. XCI рѣчь идетъ о знакѣ три горы съ крестомъ. И здѣсь №№ 714 и 715 и №№ 115, 3774 и по величинѣ, и по очертаніямъ значительно отличаются другъ отъ друга. На той же страницѣ авторъ пользуется знакомъ драконъ или грифъ въ № 717 и въ №№ 742, 743, 3773. И здѣсь разница значительна; онъ самъ называетъ послѣдній № «сильною разновидностью».

Значеніе изученія водяныхъ знаковъ, по Н. П. Лихачеву, заключается въ томъ, что это изученіе можетъ «давать опредѣленія времени

не датированныхъ бумажныхъ памятниковъ болѣе точныя, чѣмъ дать чисто палеографическое (то есть по особенностямъ начертанія буквъ) ихъ изученіе» (стр. LXXXVII) Авторъ предлагаетъ рядъ примѣровъ, какъ слѣдуетъ пользоваться знаками и какіе можно получать результаты.

Возьмемъ изъ нихъ сначала шестой.

Рѣчь идетъ о великолѣпномъ болгарскомъ спискѣ Библейскихъ книгъ XIV вѣка Имп. Публичной Библиотеки. Бумага имѣетъ пять знаковъ. Первый изъ этихъ знаковъ (точнѣе: его варианты, изъ которыхъ почти половину можно признать и за особые знаки) указывается имъ еще въ рукописяхъ отъ 1337 до 1362 года; второй, третій и четвертый знаки не имѣютъ опредѣленныхъ датъ; пятый указывается еще въ рукописяхъ отъ 1374 до 1389 года. Авторъ рѣшаетъ: не раньше 1350-хъ и не позднѣе 1370-хъ годовъ. Такимъ образомъ онъ допускаетъ (что очень важно для оцѣнки другихъ его опредѣленій), что первый знакъ могъ существовать лѣтъ на 15 позднѣе послѣдней изъ его извѣстныхъ датъ, а пятый—лѣтъ на 20 раньше старшей изъ его извѣстныхъ датъ.

Возьмемъ еще второй примѣръ Н. П. Лихачева.

Имѣется въ виду болгарскій списокъ Маргарита XIV вѣка Имп. Публичной Библиотеки. Бумага его имѣетъ пять знаковъ. Первый (точнѣе: его варианты) указывается авторомъ въ рукописяхъ 1367—1370 годовъ, второй—въ рукописяхъ 1369—1381 годовъ, третій въ рукописяхъ 1361—1399 годовъ, четвертый въ позднѣйшей рукописи 1383 года, пятый—въ рукописяхъ 1366—1379 годовъ. Авторъ «съ наибольшою вѣроятностью» рѣшаетъ: «около 1370 года» (стр. XCVIII). Получается нѣчто увлекающее: почти точная дата. Но есть ли основаніе думать, что первый знакъ, на примѣръ, до 1367 года, второй до 1369, третій до 1361, пятый до 1366 года не существовали? Конечно, нѣтъ. Второй знакъ извѣстенъ всего въ трехъ рукописяхъ на пространствѣ 13 лѣтъ, третій всего въ восьми рукописяхъ на пространствѣ 38 лѣтъ. Припомнимъ, что допускаетъ авторъ въ примѣрѣ шестомъ (см. выше). Приведемъ его золотыя слова на стр. LXXXVII: «Въ настоящее время количество зарисованныхъ филиграней на столько не велико, что онѣ по большей части представляютъ лишь отдѣльные факты, *намечающіе на настоящія границы*».

Предложенный разборъ двухъ примѣровъ Н. П. Лихачева, примѣровъ, имъ признаваемыхъ, повидимому, за особенно удачныя, во всякомъ случаѣ имъ самимъ выбранныхъ, гдѣ находится довольно рѣдкое по обилію разнообразіе знаковъ (по пяти въ рукописи),—показываетъ, какъ мало можно полагаться на опредѣленія автора. При нѣкоторой строгости въ пользованіи вариантами знаковъ, при соблюденіи элементарныхъ

ребованій осторожности, необходимо эти опредѣленія значительно расши-
рять Мы въ обоихъ разобранныхъ примѣрахъ никакъ не рѣшились бы
поставить другой какой-либо даты, кромѣ: вторая половина XIV вѣка ¹⁾

III.

Ради лучшаго освѣщенія и подкрѣпленія своей теоріи Н. П. Лихачевъ посвящаетъ цѣлую главу опредѣленію времени написанія тѣхъ лицевыхъ лѣтописей, которыя имѣютъ близкое отношеніе къ библиотекѣ толковскихъ царей. Они всѣ (въ ихъ числѣ и такъ называемая Царственная книга Синодальной Библиотеки) написаны нѣсколькими болѣе или менѣе сходными между собою почерками и имѣютъ рисунки однихъ и тѣхъ же художниковъ. Мнѣнія объ времени ихъ написанія различны: одни относятъ ихъ къ XVI вѣку, другіе же къ XVII; мы высказались на XVII вѣкѣ. Авторъ на основаніи бумажныхъ знаковъ настаиваетъ на XVI вѣкѣ. «Бумага, говоритъ онъ, на которой написаны всѣ томы лицеваго лѣтописнаго свода, а равно отчасти написана и сама Царственная книга,—вся эта бумага одного запаса и одного качества... Знаки бумаги лицевыхъ лѣтописцевъ въ нѣкоторыхъ раннихъ разновидностяхъ появляются въ пятидесятыхъ годахъ XVI вѣка, наипаче встрѣчаются приблизительно въ періодъ между 1566 и 1585 годами и исчезаютъ около 1600 года» (стр. CLXXIV). Далѣе авторъ выставляетъ гипотезу, что эти лѣтописи были задуманы царемъ Иваномъ Грознымъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ XVI вѣка, что составъ ихъ опредѣлился въ началѣ семидесятыхъ годовъ XVI вѣка, что Грозный около 1580 года не одобрилъ послѣдняго тома и велѣлъ его передѣлать, что кончина Грознаго привела къ прекращенію работы.

Итакъ, по Н. П. Лихачеву, лицевыя лѣтописи, а въ ихъ числѣ и Царственная книга, почти современны лучшимъ экземплярамъ Макарьевскихъ Миней. Если бы на мѣстѣ этихъ лѣтописей были какія-либо книги обыкновенной работы, не роскошныя, не изготовленныя по царскому приказу,—какой-либо Прологъ или Октоихъ, мы бы свободно признали лѣтописи, по даннымъ письма, относящимися къ второй половинѣ XVI вѣка или къ первой XVII-го. Но лицевыя лѣтописи должны

---

¹⁾ Въ одной изъ рукописей библиотеки Синодальнаго Архива въ С.-Петербургѣ—Октоихъ второй половины XV вѣка,—мы встрѣтили между прочимъ слѣдующіе три знака: 1) собака, очень близокъ къ № 4053 Н. П. Лихачева, изъ рукописи 1423 года; 2) бычья голова съ кресломъ, тожественъ съ № 2678, изъ рукописи 1495 года; 3) бычья голова съ розеткой, очень близокъ къ №№ 914, 915, изъ рукописи 1428 года. Въ такихъ случаяхъ знаки указываютъ только на столѣтіе.

считаться за написанныя лучшимъ письмомъ своего времени, и если бы они относились къ семидесятымъ годамъ XVI вѣка или были даже однимъ-двумя десятилѣтїями позднѣе, мы въ нихъ нашли бы такой же строгій полууставъ, какой имѣемъ въ лучшихъ экземплярахъ Макарьевскихъ Миней. А мы видимъ въ нихъ бѣглый, иногда нѣсколько косою полууставъ, подобный которому изъ болѣе или менѣе роскошныхъ рукописей мы знаемъ только въ рукописяхъ XVII вѣка: въ Толковой Псалтыри 1647 года, Синодальной Библіотеки № 347; въ лицевомъ житїи Антонїя Сїйскаго 1648 г., собранїя П. И. Щукина (въ первой его половинѣ); въ лицевомъ житїи Андрея Первозваннаго 1663 года, Академіи Наукъ (въ немъ есть уже раздѣленіе словъ); въ лицевомъ житїи Николая Чудотворца, пожалованномъ въ 1670 г. царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Николо-Угрѣшскому монастырю и въ немъ теперь хранящемся (въ немъ также уже есть раздѣленіе словъ)¹⁾; въ лицевомъ житїи Зосимы и Савватїя, безъ даты, собранїя И. А. Вахрамѣева, которое Н. П. Лихачевъ относитъ къ XVII вѣку²⁾; лучший полууставъ, чѣмъ въ лицевыхъ лѣтописяхъ, болѣе строгій (но съ раздѣленіемъ словъ), мы можемъ указать въ великолѣнномъ житїи Антонїя Сїйскаго около 1682 г., Московскаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ № 283—662, и въ еще болѣе великолѣпномъ Синодикѣ съ гравированными рамками работы Л. Бунина 1695 г., Имп. Публичной Библіотеки.

Письмо лицевыхъ лѣтописей не говоритъ за XVI вѣкъ. Не говорятъ и другїя данныя.

Извѣстно, что въ Царственной книгѣ были когда-то листы съ описаніемъ вѣнчанїя на царство Ѳедора Ивановича. Копїя съ лицевыхъ лѣтописей—Лебедевскїя и Александро-Невская лѣтописи сохранила намъ текстъ этихъ утраченныхъ листовъ, и мы видимъ, что онъ былъ посвященъ также нѣкоторымъ событіямъ 1586 года. Такъ какъ ни говорить о прїостановкахъ въ работѣ надъ лицевыми лѣтописями, ни думать, что они рассказывали даже о современныхъ событіяхъ,—мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанїя, то естественный выводъ, который одинъ только мы можемъ сдѣлать,—тогъ, что лѣтописи написаны значительно позже 1586 года.

---

¹⁾ Это житїе и по тексту, и по рисункамъ находится въ тѣснѣйшей связи съ извѣстнымъ житїемъ того же святаго Румянцевскаго Музея.

²⁾ «Писана полууставомъ XVII вѣка, говоритъ онъ; представляетъ по работѣ и по содержанїю точный снимокъ» съ Соловецкой рукописи 1623 года (сгр. СІ.ХVІ). Мы знаемъ это житїе только по снимкамъ нѣсколькихъ страницъ въ уменьшенную величину; его полууставъ намъ кажется очень сходнымъ съ полууставомъ лицевыхъ лѣтописей.

Но также известно, 1) что Царственная книга имѣтъ на своихъ листахъ рядъ скорописныхъ поправокъ и замѣтокъ, принадлежащихъ рукѣ редактора-корректора, который пополнялъ ея текстъ при помощи разныхъ источниковъ, свѣрялъ переписанное на-бѣло съ черновымъ оригиналомъ, разсматривалъ и оцѣнивалъ рисунки; 2) что послѣдніе листы Царственной книги отчасти совсѣмъ не имѣютъ рисунковъ (для которыхъ оставлены мѣста), отчасти имѣютъ не рисунки, а лишь наброски рисунковъ карандашомъ. Очевидно, Царственная книга—не что иное, какъ корректурный экземпляръ одной изъ лицевыхъ лѣтописей; естественно искать продолженія ея въ видѣ черновика. Послѣднее до насъ дошло въ видѣ столбца (потомъ разрѣзаннаго), безъ начала, съ скорописнымъ текстомъ, испещреннымъ помарками, поправками, дополненіями; это—такъ называемая Рукопись Филарета, посвященная событіямъ Смутнаго времени, относительно которой новѣйшіе изслѣдователи (гг. Кондратьевъ и Платоновъ) согласны, что она написана въ послѣдніе годы жизни патріарха Филарета.

Нѣкоторые историческія данныя Царственной книги, заключающіяся въ ея текстѣ и рисункахъ, не лишены для насъ цѣнности.

На оборотѣ 68 листа и на лицѣ 71 листа, при разсказѣ о погребеніи вел. кн. Василя Ивановича, помѣщены два рисунка, исполненные двумя художниками, съ изображеніемъ, между прочимъ, высокой колокольни въ Кремлѣ, съ огромнымъ на ней колоколомъ. На первомъ рисункѣ колокольня значительно выше изображеннаго рядомъ съ нею Архангельскаго собора. Безъ сомнѣнія, это—Иванъ Великій, построенный, какъ известно, при Борисѣ Годуновѣ¹⁾. Художники Царственной книги уже знали его; слѣдовательно они работали въ XVII вѣкѣ.

На 477 листѣ разсказывается объ осадѣ въ 1552 году крымскимъ ханомъ Тулы и бѣгствѣ его въ «поле» при приближеніи войска Ивана Грознаго, «занае близъ бѣ поле града Тулы». Редактору Царственной книги было известно, что степь къ югу отъ Тулы уже занята русскими городами и селами; слѣдовательно, онъ писалъ не ранѣе конца царствованія Федора Ивановича.

Посмотримъ на водяные знаки бумаги лицевыхъ лѣтописей и тѣсно связаннаго съ нимъ лицеваго житія Николая Чудотворца Румянцевскаго Музея.

Мнѣніе Н. П. Лихачева о принадлежности этихъ памятниковъ XVI вѣку основано, между прочимъ, на убѣжденіи, что «знаки въ видѣ сочетанія двухъ и трехъ буквъ... представляютъ марки... за время вто-

---

¹⁾ На эту подробность обратилъ наше вниманіе В. И. Успенскій.

рой половины XVI вѣка» (стр. CLXXV). Кажется, его собственныя данныя за XVII вѣкъ, при всей своей скудости, говорятъ объ обилии буквенныхъ сочетаній, однихъ или вмѣстѣ съ другими фигурами, также въ XVII вѣкѣ. Такъ, на примѣръ, его знакъ № 3539, изъ рукописи 1641 г., заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, тѣ самыя буквы *A* и *F* (съ трилистникомъ надъ ними), которыя—другаго, правда, рисунка (съ трилистникомъ между ними),—находятся въ лицевыхъ лѣтописяхъ ¹⁾. Или знакъ № 3109, изъ рукописи 1621 г., представляетъ гроздь винограда съ буквами *C* и *B* и имѣетъ сходство съ знаками №№ 2812—2815 изъ Царственной книги (буквы другія). Не лишне замѣтить, что знаки однородные съ знаками лицевыхъ рукописей—№ 3125 взятъ изъ западноевропейской рукописи 1597 года (буквы *B* и *C*), № 3141 взятъ изъ заграничной рукописи 1600 г. (буквы *A* и *R*).

Эти данныя взятая сами по себѣ, на нашъ взглядъ, не даютъ права автору настаивать на XVI вѣкѣ. А вотъ еще два факта. Варианты знака кувшинчикъ съ буквами *PO* отмѣчены Н. П. Лихачевымъ въ рукописяхъ 1563 года (№ 3199), 1587 года (№ 4126), 1594 года (№ 1956), 1610 года (№ 4106) и 1612 года (№ 4250). Мы знаемъ еще варианты въ рукописи 1637 года (библиотеки Синодальнаго Архива). Варианты знака одноголовый орелъ съ буквою *F* на груди отмѣчены Н. П. Лихачевымъ въ нѣсколькихъ рукописяхъ 1527—1597 г. (№№ 1516, 4133 и др.). Мы нашли еще вариантъ въ лицевомъ житіи Николая Чудотворца около 1670 года (о немъ см. выше), наиболее близкій къ № 4133. Подобные факты, свидѣтельствующіе о живучести знаковъ, не позволяютъ на основаніи послѣднихъ настаивать на чемъ бы то ни было.

А кстати еще одинъ фактъ изъ области знаковъ.

Лебедевскія и Александро-Невская лѣтописи всѣми признаются за относящіяся къ XVII вѣку (по Н. П. Лихачеву, приблизительно къ половинѣ этого столѣтія). А. Е. Прѣсняковъ ²⁾ полагаетъ, что эта копія

---

¹⁾ Положеніе трилистника въ знакѣ № 3539 однородно съ положеніемъ трилистника въ знакѣ № 3064, 1562 года (буквы *P* и *B*).

²⁾ Мы имѣемъ въ виду его новѣйшую статью въ *Извѣстіяхъ II-го отд. Акад. Наукъ*, т. V, кн. 3. А. Е. Прѣсняковъ почему-то называетъ лицевыя лѣтописи «московскою историческою энциклопедіею XVI вѣка», хотя они представляютъ просто пространенный хронографъ и не заключаютъ въ себѣ даже всего того, что есть въ нѣкоторыхъ редакціяхъ Хронографа. Между прочимъ, Исторія о Казанскомъ царствѣ не вошла въ ихъ составъ (она извѣстна въ отдѣльныхъ лицевыхъ спискахъ, изъ которыхъ одинъ, библиотеки Академіи Наукъ, написанъ, кажется, на той же бумагѣ, что и лицевыя лѣтописи; онъ заключаетъ въ себѣ также повѣсть о Казанской иконѣ Божіей Матери, Гермогена, составленную въ 1594 году). Должно замѣтить, что А. Е. Прѣсняковъ относительно лиц. лѣтописей вполнѣ держится взглядовъ Н. П. Лихачева.

съ лицевыхъ лѣтописей сдѣлана спустя много лѣтъ послѣ написанія самыхъ лѣтописей, не объясняя, къ сожалѣнiю, кому могла придти въ голову мысль розыскивать по разнымъ мѣстамъ и переписывать «разнесенныя бурей смутнаго времени» огромныя лицевыя лѣтописи и на что могъ пригодиться списокъ съ массы «разрозненныхъ и перепутанныхъ листовъ», валявшихся какъ хламъ и не удостоившихся даже переплета, когда были распространены и общедоступны огромныя хронографы, лѣтописныя своды, Степенная книга въ вполнѣ удовлетворительномъ состоянiи. Онъ отмѣтилъ любопытный фактъ, что Александро-Невская лѣтопись, представляя вообще списокъ съ Царственной книги, иногда отстываетъ отъ нея и не имѣетъ тѣхъ поправокъ, которыя внесены въ Царственную книгу. По его мнѣнiю, дѣло въ обилии листовъ дублетовъ, которые были въ рукахъ переписчиковъ, въ которыхъ они не умѣли разобраться и изъ которыхъ многiе теперь утрачены.

Бросимъ бѣглый взглядъ на Александро-Невскую лѣтопись. Она (какъ и Лебедевскiя лѣтописи) имѣетъ видъ книги, наскоро изготовленной въ большой канцелярiи цѣлымъ рядомъ подьячихъ, но свѣренной съ оригиналомъ (см. вставку пропущенныхъ словъ, напримѣръ, на л. 241). Скоропись ея—подьяческаго типа, обычнаго для половины XVII вѣка; одинъ почеркъ (л. 117 слѣд.) нѣсколько похожъ на почеркъ въ снимкѣ № 4 перваго изданiя «Рукописи Филарета» (Муханова). Общiй типъ письма въ этой лѣтописи и въ Рукописи Филарета—одинъ и тотъ же. Въ разныхъ мѣстахъ текста фразы подчеркнуты чернилами и на поляхъ разставлены крестики и «зри»; эти отмѣтки какъ будто имѣютъ связь съ подробностями рисунковъ. Нельзя сомнѣваться, что Александро-Невская лѣтопись (какъ и Лебедевскiя) написана въ то же время, когда и лицевыя лѣтописи, можетъ быть, тогда, когда работа надъ Царственною книгою еще не была закончена; конечно, мы точно не знаемъ, для чего понадобилась копия съ лицевыхъ лѣтописей, для художниковъ ли, чтобы они могли набросать рисунки (значитъ, лицевыя лѣтописи тогда заключали въ себѣ только текстъ), или просто для канцелярiи, на случай справокъ.

Одинъ изъ знаковъ бумаги Александро-Невской лѣтописи—голова шута и буквы *PB*,—находящiйся у Н. П. Лихачева подъ № 2911, очень сходенъ съ его знакомъ № 3081 (съ буквами *PR*) изъ западноевропейской рукописи 1643 года. Значитъ, бумага Александро-Невской лѣтописи можетъ относиться къ послѣднимъ годамъ жизни патрiарха Филарета.

Наше мнѣнiе о лицевыхъ лѣтописяхъ таково ¹⁾. Они составлены

---

¹⁾ Мы беремъ назадъ, въ виду новыхъ данныхъ, все, что когда-либо говорили о Царственной книгѣ.

и написаны въ послѣдніе годы патриаршества Филарета, подъ его наблюденіемъ, и должны были быть доведены до избранія на царство Михаила Ѳеодоровича. Смерть Филарета прекратила работу надъ ними. Одни изъ экземпляровъ лѣтописей, законченные, поступили въ царскую бібліотеку, для которой они и назначались; другіе остались въ бібліотекѣ патриарха и сохранились до нашихъ дней вмѣстѣ съ бумажнымъ хламомъ времени послѣднихъ патриарховъ.

IV.

Да не подумаетъ читатель, что мы не признаемъ за знаками никакого значенія. Нѣтъ, мы считаемъ ихъ очень полезнымъ матеріаломъ для палеографіи и пользуемся ими наравнѣ съ орнаментомъ и орфографіей какъ *вспомогательными* данными. Мы не надѣемся, при ихъ помощи, даже при самомъ счастливомъ стеченіи обстоятельствъ, опредѣлять десятилѣтія («съ наименьшею ошибкою—между 1320 и 1325 годами», «1370-е годы», «между 1340 и 1350 годами» и т. п.) и считаемъ обязательнымъ довольствоваться *тахитит* полустолѣтіями. Полное отсутствіе свѣдѣній о бумажныхъ фабрикахъ въ старое время и наличность указаній на существованіе одного и того же (въ общемъ) знака втеченіи многихъ лѣтъ, вмѣстѣ съ несомнѣнною неполнотою и отрывочностью собраннаго до сихъ поръ матеріала, не позволяютъ намъ слѣдовать за Н. П. Лихачевымъ.

Альбомъ (или 3-я часть труда Н. П. Лихачева) содержитъ въ себѣ 4258 снимковъ, изъ которыхъ около половины издается впервые и которые заимствованы изъ рукописей не только русскихъ общедоступныхъ книгохранилищъ, но и бібліотекъ частныхъ лицъ (графовъ Уваровыхъ, Е. В. Барсова, гг. Ананьина, Егорова, Корсакова, Мазурина, Солдатенкова, Щукина и др.). Эти снимки, къ сожалѣнію, не исчерпываютъ всего имѣющагося у автора запаса (отсюда нерѣдкія его ссылки на снимки его другаго труда, упомянутаго въ началѣ настоящей статьи). Они относятся почти исключительно къ XIV, XV, XVI вѣкамъ; изъ XVII вѣка и слѣдующихъ приводятся лишь единицы. Исполненіе снимковъ посредствомъ литографіи—великолѣпное; честь и слава Обществу Любителей Древней Письменности за то, что оно не пожалѣло средствъ на ихъ роскошное изданіе.

Но альбомъ Н. П. Лихачева не безъ крупнаго изъяна: въ немъ не соблюдается въ достаточной мѣрѣ никакого порядка, ни предметнаго, ни хронологическаго. Отсюда то, что сходные знаки одного и того же приблизительно времени находятся одинъ, наприимѣръ, подъ № 400, другой подъ № 1000, третій подъ № 2500 и т. д. Правда, альбомъ имѣеть огромный 1) предметный и 2) хронологическій указатель (часть 2-я труда Н. П. Лихачева), но и при помощи послѣдняго имъ нелегко пользоваться: предметный указатель расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ названій знаковъ, а эти послѣдніе часто таковы, что не сразу догадаешься, что они изъ себя представляютъ и подъ какимъ словомъ слѣдуетъ ихъ искать ¹⁾).

Трудъ Н. П. Лихачева, какъ сказано выше, посвященъ знакамъ лишь XIV—XVI столѣтій. Было бы желательно, чтобы кто-нибудь изъ любителей нашей старой письменности взялся за продолженіе его и составилъ альбомъ знаковъ XVII вѣка.

---

¹⁾ Жаль что многочисленные знаки, заключающіе въ себѣ какія бы то ни было буквы, не помѣщены въ указателѣ всѣ вмѣстѣ, въ порядкѣ этихъ буквъ; это во многихъ случаяхъ облегчило бы пользованіе альбомомъ.

Изъ Вѣстника Археологіи и Исторіи, издаваемого С.-Петербургскимъ Археологическимъ Институтомъ, вып. XIV.

Директоръ Института *Н. Покровский*.

24.200